
РЕЦЕНЗИИ

Александр Бугровский

ГРАНИЦЫ НЕ(ВИДИМОСТИ): ЖИЗНЬ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РОССИИ

Носенко-Штейн Е. Э. (2025) Люди-невидимки, или быть инвалидами в России (антропологические эссе). М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Неолит.

Цитирование: Бугровский А. И. (2026) Границы не(видимости): жизнь лиц с инвалидностью в России. Рецензия на книгу: Носенко-Штейн Е. Э. (2025) Люди-невидимки, или быть инвалидами в России (антропологические эссе). М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Неолит. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 211–217.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-211-217

В российском общественном и политическом дискурсе инвалидность по-прежнему занимает парадоксальное положение: формально она признана объектом государственной политики инклюзии, однако в повседневной социальной реальности люди с инвалидностью остаются структурно маргинализированными и символически «невидимыми». Монография Е. Э. Носенко-Штейн Люди-невидимки, или быть инвалидами в России предлагает развернутый антропологический анализ этой двойственности, соединяя институциональную перспективу социальной политики с исследованием повседневных практик, стратегий самопрезентации и форм самостигматизации. Книга вписывается в поле международных *disability studies*,

---

Александр Игоревич Бугровский — к.полит.н., н.с., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. Электронная почта: bugrovskiyalex93@gmail.com

где уже несколько десятилетий ведется дискуссия о соотношении медицинской и социальной моделей инвалидности (Oliver 1990; Shakespeare 2014), а также о политике признания и видимости уязвимых групп. В то же время работа Носенко-Штейн укоренена в российском контексте, где институциональные механизмы социальной защиты, статистические практики учета и деятельность общественных организаций формируют особую конфигурацию «управляемой видимости». Автор показывает, как различные модели инвалидности сосуществуют и конкурируют в реальных практиках идентификации и саморефлексии лиц с инвалидностью.

Эмпирическую основу исследования составляет масштабный корпус полевых материалов, собранных в семи регионах России, включая 316 глубинных интервью с людьми с инвалидностью, их родственниками и представителями профильных организаций. Такой объем данных позволяет автору перейти от описания отдельных случаев к реконструкции устойчивых стратегий, жизненных стилей и форм институционального взаимодействия. В центре анализа оказывается не столько «инвалидность как медицинский факт», сколько инвалидность как социальное положение, структурируемое нормами, ожиданиями и барьерами. Тем самым книга делает значимый вклад в отечественные исследования социальной политики, смещая фокус с нормативных деклараций инклюзии на анализ реальных механизмов исключения и адаптации. Концепт «невидимости», вынесенный в заглавие, становится не метафорой, а аналитическим инструментом, позволяющим описать, каким образом институциональные и культурные практики одновременно фиксируют инвалидность как статус и вытесняют ее из публичного пространства.

Теоретическая рамка: между моделями инвалидности и политикой видимости

Одним из сильных элементов монографии является развернутая работа с понятийным аппаратом. Носенко-Штейн систематизирует исторически сложившиеся модели инвалидности — медицинскую (патерналистскую), социальную и аффирмативную. Исследовательница показывает, что в российском контексте они не сменяют друг друга линейно, а сосуществуют, вступая в напряженные отношения. В этом смысле книга следует логике классической социальной модели инвалидности, сформулированной в британских *disability studies* (Oliver 1990), где инвалидность рассматривается не как индивидуальный дефект, а как результат социально сконструированных барьеров. Однако автор не ограничивается воспроизводством данного представления, а демонстрирует, как медицинская логика продолжает структурировать практики государственной экспертизы, статистического учета и социальной помощи.

Особого внимания заслуживает обсуждение терминологии. Выбор определения «лица с ограниченными возможностями здоровья» сопровож-

дается критическим комментарием относительно нормативной и политической нагруженности этого термина. Автор избегает категоричности и не предлагает «единственно корректного» обозначения, фиксируя, что любой термин оказывается включенным в систему властных отношений и институциональных классификаций. Такой подход сближает исследование с более поздними работами в области disability studies, где подчеркивается амбивалентность самой категории инвалидности и ее зависимость от контекста (Shakespeare 2014).

Концепт «невидимости», вынесенный в заглавие, выполняет в книге не только метафорическую, но и аналитическую функцию. Исследовательница показывает, что «невидимость» не сводится к отсутствию репрезентации, а является результатом институциональных механизмов — от статистического учета до бюрократизированных форм участия в общественных организациях. В этом отношении работа перекликается с исследованиями стигмы и управления испорченной идентичностью (Goffman 1963), а также с дискуссиями о политике признания, где видимость рассматривается как одновременно ресурс и риск.

В целом теоретическая рамка исследования отличается внутренней согласованностью. Автору удается соединить антропологическую чувствительность к повседневным практикам с социологическим анализом институциональных структур. Вместе с тем книга в меньшей степени вступает в прямой диалог с современными международными дебатами о пересмотре социальной модели инвалидности и о включении вопросов пересекающихся неравенств — гендерных, классовых, региональных. Это не обесценивает проделанной работы, но обозначает направления, в которых теоретическая дискуссия могла бы быть развита.

Эмпирическая база и институциональный контекст: между повседневностью и социальной политикой

Сильной стороной монографии является масштаб и разнообразие эмпирического материала. Полевая работа, проведенная в семи регионах России и включающая 316 глубинных интервью, позволяет автору выйти за рамки локального кейса и реконструировать устойчивые социальные паттерны. Существенно, что в выборку включены не только люди с инвалидностью, но и их родственники, активисты, представители образовательных учреждений и профильных организаций. Это создает возможность сопоставления различных точек зрения и фиксирует инвалидность как поле взаимодействия, а не исключительно как индивидуальный опыт. Вместе с тем в книге лишь частично раскрыта логика построения выборки и отбора информантов. Не до конца ясно, в какой мере эмпирика отражает разнообразие региональных контекстов и социальных позиций внутри самой группы. Например, в тексте заметно присутствие активистского сегмента, что закономерно для

антропологического исследования, однако остается вопрос о представленности наиболее социально изолированных групп, чьи голоса по определению труднее зафиксировать. Это не умаляет ценности собранных материалов, но ограничивает степень обобщаемости выводов.

Принципиально важно, что автор соединяет нарративные данные с анализом статистики и нормативных практик. Разбор противоречий в официальных данных об инвалидности, процедур учета и классификации демонстрирует, что «видимость» группы во многом определяется административными решениями. Инвалидность оказывается не только биографическим фактом, но и продуктом институциональной экспертизы: медико-социальной, образовательной, трудовой. В этом аспекте книга напрямую пересекается с проблематикой социальной политики, показывая, каким образом формальные механизмы поддержки одновременно структурируют и ограничивают жизненные траектории.

Отдельного внимания заслуживает анализ образовательных и трудовых институтов. Автор демонстрирует, что выбор между коррекционной и инклюзивной моделью обучения не сводится к нормативному предпочтению, а определяется сочетанием ресурсных возможностей семьи, региональной инфраструктуры и уровня стигматизации. Аналогичным образом трудовая занятость рассматривается не как индивидуальный успех, а как результат исторически сложившихся форм «трудовой реабилитации» и современного разрыва между образовательными траекториями и реальным спросом на рынке труда. Такой подход позволяет увидеть социальную политику не как совокупность деклараций, а как систему практик, формирующих рамки допустимого участия.

Стратегии, стигма и границы инклюзии

Одним из наиболее содержательных результатов книги является реконструкция жизненных стратегий людей с инвалидностью. Носенко-Штейн показывает, что повседневность не сводится к бинарной оппозиции «жертва — герой», часто воспроизводимой в публичном дискурсе. В эмпирическом материале фиксируются различные способы адаптации и сопротивления: от ориентации на институциональную поддержку (стратегия «беспомощной жертвы») и участия в профильных организациях (стратегия «активиста-общественника») до стратегии «одинокого воина» предполагающей индивидуальный прорыв и дистанцирование от коллективной идентичности инвалидности. Эта типология позволяет уйти от морализаторских интерпретаций и рассматривать выбор стратегии как результат сочетания ресурсов, опыта социализации и структурных ограничений. Важное место в анализе занимает феномен самостигматизации. Исследовательница демонстрирует, что стигма функционирует не только как внешняя маркировка, но и как внутренний механизм самоограничения.

Инвалидность может восприниматься как «семейная трагедия», как испытание, требующее гиперкомпенсации, или как статус, который необходимо минимизировать в публичном пространстве. При этом степень и формы самостигматизации различаются в зависимости от типа инвалидности и биографической траектории. Такой подход позволяет расширить классическое понимание стигмы как исключительно внешнего давления и показать ее встроенность в процессы формирования идентичности. Особый интерес представляет анализ социокультурной дифференциации внутри самой группы. Концепт «инвалидного гетто», используемый автором, описывает двойственную роль специализированных сообществ и организаций: они могут выступать пространством поддержки и символической безопасности, но одновременно закреплять границы отделенности от «условно здорового» общества. В этом смысле инклюзия оказывается процессом не только институциональным, но и культурным: формальное расширение прав и программ не гарантирует изменения повседневных практик взаимодействия.

Монография Носенко-Штейн также затрагивает чувствительные темы — репродуктивные установки, выбор партнера, представления о «нормальности» семьи. Здесь особенно заметно, как глубоко укорененные культурные ожидания пересекаются с внутренней неуверенностью и страхом отказа. Автор показывает, что ориентация на партнера без инвалидности часто выступает символом социального признания, однако эмпирический материал свидетельствует о более сложной картине: устойчивость отношений зависит не столько от формального статуса, сколько от распределения ресурсов и поддержки.

В целом книга демонстрирует, что инклюзия в российском контексте носит фрагментарный характер: она реализуется в отдельных институциональных сегментах, но не трансформирует полностью в символические и культурные основания социальной иерархии. «Невидимость» оказывается не отсутствием присутствия, а особым режимом существования — одновременно признанным и ограниченным, включенным и маргинализированным.

Ограничения исследования и значение для поля социальной политики

Несмотря на масштаб эмпирической базы и внутреннюю согласованность теоретической рамки, исследование имеет ряд ограничений, которые важно учитывать при интерпретации выводов. Прежде всего, фокус сосредоточен преимущественно на сенсорной и физической инвалидности трудоспособного возраста. Такой выбор объясним с точки зрения доступности поля и исследовательской логики, однако он значительно сужает спектр рассматриваемых форм уязвимости. Люди с интеллектуальными и психосоциальными нарушениями, а также пожилые с инвалидностью, остаются

вне детального анализа, что ограничивает возможность обсуждения инвалидности как пересекающегося неравенства. Второе ограничение связано с уровнем институционального анализа. Автор убедительно показывает противоречия в статистических практиках и выявляет барьеры в образовании и занятости, однако макроуровень социальной политики (механизмы финансирования, нормативные реформы последних лет, региональные различия в реализации программ) представлен фрагментарно. В результате книга более детально реконструирует повседневные последствия институциональных решений, чем сами политические процессы их формирования.

Кроме того, значительная часть эмпирики опирается на интервью с людьми, включенными в различные формы общественной активности. Это придает исследованию динамичность и позволяет увидеть стратегии сопротивления, но одновременно может создавать эффект смещения в сторону более ресурсных и рефлексивных информантов. Наименее «видимые» группы, не участвующие в организациях и публичных инициативах, вероятно, представлены менее информативно, что парадоксальным образом воспроизводит саму проблему невидимости. Наконец, теоретический потенциал концепта «невидимости» мог бы быть раскрыт более системно. Автор демонстрирует многочисленные эмпирические проявления этого феномена, однако его связь с более широкими теориями власти, неравенства и социальной стратификации остается скрытой. Развитие этой линии позволило бы интегрировать исследование в современные международные дебаты о политике признания и управлении различием.

При всех обозначенных ограничениях монография вносит значимый вклад в отечественные исследования инвалидности и социальной политики. Она предлагает редкое для российского контекста сочетание масштабной полевой работы и аналитической чувствительности к повседневным практикам. Фокус обсуждения смещается с формальных деклараций инклюзии на реальные механизмы исключения и адаптации, тем самым расширяя исследовательскую повестку и задавая направления для дальнейших эмпирических и теоретических разработок.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23–18–00214: «Цифровые технологии и качество жизни людей с ОВЗ: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

Список источников

Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Oliver M. (1990) *Politics of Disablement*. London: Red Globe Press.

Shakespeare T. (2014) *Disability Rights and Wrongs Revisited*. 2nd ed. London: Routledge.

Alexander Bugrovskii

**MARGINS OF (IN)VISIBILITY:
LIVES OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RUSSIA**

Nosenko-Shtein E.E. (2025) Lyudi-nevidimki, ili byt' invalidami v Rossii (antropologicheskie esse) [Invisible People or Being Disabled in Russia (Anthropological Essays)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Neolit.

Citation: Bugrovskii A. (2026) Granitsy ne(vidimosti): zhizn' lits s invalidnost'yu v Rossii [Margins of (In)visibility: Lives of People with Disabilities in Russia]. Book review: Nosenko-Shtein E.E. (2025) Invisible People or Being Disabled in Russia (Anthropological Essays). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Neolit. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1): 211–217.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-211-217

References

Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Oliver M. (1990) *Politics of Disablement*. London: Red Globe Press.

Shakespeare T. (2014) *Disability Rights and Wrongs Revisited*. 2nd ed. London: Routledge.

Alexander Bugrovskii — Cand. Sci. (Polit.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation. Email: bugrovskiyalex93@gmail.com